

Вопрос льна в Латгалии в 20-ых годах 20-го века

Vladislavs MALAHOVSKIS
Rezekne Academy of Technologies

Ключевые слова: *Латгалия, лен, монополия, латгальские политики.*

Введение

С древних времен лен, именуемый также *северным шелком*, имел особое значение,¹ особенно в изготовлении текстиля. Из льняного волокна ткали нижнее белье, простыни, полотенца, скатерти, вили веревки и т.д.

До Второй мировой войны в восточной части Латвии – в Латгалии – почти в каждом хозяйстве выращивали лен. Латгалия была главным производителем льна в стране. Здесь производилось около половины льняного волокна во всей Латвии. Посевы льна в Латгалии занимали более 10 % всей площади пахотной земли (*LAR* 1930, 31).

Льноводство в Латгалии было чрезвычайно важной отраслью сельского хозяйства, в которой латгальский мелкий крестьянин мог получить реальный доход. Это объясняется тем, что в Латгалии преобладали мелкие хозяйства, которые не могли производить зерно для рынка. Латгальские мелкие крестьяне часто сами были вынуждены покупать зерно (*LRSS* 1, 6, 224). Скотоводство также было слабо развито в Латгалии. Скот здесь держали в основном для собственных нужд. Доход от продажи льна был главным, а часто и единственным источником заработка для латгальского крестьянина. Говоря словами латгальского политика того времени Франца Трасуна, лен для латгальского мелкого крестьянина был *вопросом жизни и смерти* (*LRSS* 2, 1, 98).

Лен также был основой хозяйственной независимости молодой Латвии, он давал стране необходимую валюту. В первой половине 20-ых годов в экспорте сельскохозяйственной продукции первое место занимал именно экспорт льняного волокна, составлявший почти 25 % от общей стоимости всего экспортного товара (*Maldups, Salnais* 1930, 58). Во второй половине 20-ых годов в экспорте сельскохозяйственной продукции преобладало масло.

¹ Это рассматривалось в статье: Vladislavs Malahovskis. “Lini” / “Лен”, *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca I / Лингвотерриториальный словарь Латгалии I*. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 416–418.

Цель статьи – раскрыть значение льноводства в Латгалии и проанализировать государственную политику в отношении льна в 20-ых годах. Исследовательские методы включают анализ исторических источников и литературы, описательный метод, метод сравнительного анализа.

Латгальские производители льна и государственная монополия на лен

После Первой мировой войны выросла цена на лен на мировом рынке. Поэтому в Латвии была создана государственная монополия на лен, в 1919 году открыто одно из старейших и крупнейших государственных предприятий (Z a l t s 1929, 675). Существование государственной монополии на лен в 20-ых годах можно разделить на три этапа.

Первый этап – с момента создания до 1922 года, когда экспорт льна был главным источником государственных доходов (зарубежной валюты). В этот период производителям льна платили очень низкие цены. Анализируя деятельность монополии на лен в этот период по отношению к Латгалии, нужно признать, что она была особо выгодна для страны и настолько же невыгодна для латгальских крестьян – производителей льна. Тенденция политики правительства по вопросу льна в этот период была платить крестьянам наименьшую цену, хранить закупленный лен в надежде на еще больший рост цен, и тогда его реализовать. Таким образом, образовалась ситуация, когда производители льна получали всего лишь около 10–15 % от продажной цены льна за рубеж. Из данных журнала «Экономист» о прибыли монополии за лен следует, что в 1920/1921 бюджетном году она составляла 66 %, в 1921/1922 году – 57 %, в 1922/1923 году – 39 % от стоимости проданного льна. Первую прибыль за год существования монополии экономисты охарактеризовали как фантастическую (Z a l t s 1929, 675).

Второй этап – с 1923 до весны 1927 года. В это время закупочные цены на лен несколько раз поднимались и приближались к мировым рыночным ценам, однако монополия на лен оставалась наиважнейшим источником государственного дохода от экспорта. Благодаря росту цен на лен на мировом рынке государство все же начала платить более крупные суммы производителям льна, в то же время уменьшая собственный доход от экспорта льна. Несмотря на это, государственная прибыль от льна оставалась очень большой, особенно в период с 1923 по 1925 год, когда она составляла 8,9 миллионов латов в год (A i z s i l n i e k s 1968, 284).

1923 год для льноводов Латгалии был неплодороден, а в 1924 году урожай льна был очень хорошим и рост цен на рынке льна способствовал оптимистичным прогнозам о хорошей прибыли. Таким образом, в 1925 году посевные площади льна в Латгалии увеличились, многие крестьяне брали деньги в заем на приобретение необходимого инвентаря и семян и даже уменьшали посевные площади зерна (V e l k m e 1925). Однако осенью 1925 года цены

на лен упали, в ноябре на две недели даже была прекращена его закупка². Таким образом, большинство латгальских льноводов оказалось в очень тяжелом положении – у части из них возникли проблемы с продажей льна, а у тех, кто успел продать лен, полученные деньги едва ли покрыли себестоимость. Таким образом, латгальские льноводы не могли покрыть выданные им кредиты. Поскольку льном была засеяна и та часть земли, где раньше сеялось зерно, крестьяне столкнулись еще и с проблемой недостатка зерна. Поэтому в следующем 1926 году в целях предосторожности латгальские земледельцы – производители льна – уменьшили посевные площади льна в пользу зерна. Для того, чтобы экспорт льняного волокна приносил больше пользы, весной 1924 года было основано акционерное общество «Лен» (латыш. A/S “Lini”), которое начало строить фабрики по переработке льна.

Третий этап действия монополии на лен отмечается после весны 1927 года, когда главной задачей монополии было не столько заботиться о доходах государственной кассы, сколько о развитии культуры льна. Доходы от монополии на лен в государственной кассе теперь предусматривались только как проценты за вложенный капитал, а остальную прибыль выплачивали производителям льна в виде особых премий (Vītīņš 1930, 314).

Прием, сортировку, хранение льна и подготовку волокна для экспорта осуществляли государственные центральные льняные склады. Сбор льна у производителей осуществляли пункты приема льна, которые в начале 20-ых годов были переданы частным лицам, а позже – и кооперативам и частным обществам. Скупочные пункты действовали как посредники в закупке льна на свой риск и под свою ответственность, получая от государства вознаграждение в виде комиссии. Скупка льна было выгодным, но рискованным мероприятием. Об этом свидетельствует рост числа пунктов скупки льна – с 51 пункта в 1920 году до 270 пунктов в 1925 году (Aizsilnieks 1968, 283). В Латгалии пункты приема льна образовывали широкую сеть во всех округах. Кроме того, в Латгалии в начале 20-ых годов более половины пунктов приема льна находилось в руках частных лиц. Например, в 1921 году в Латгалии было 36 пунктов приема льна, и 19 из них было частными (К. Е. 1921, 707).

Устанавливая цены на лен, выплачиваемые производителям, правительство придерживалось ставок, которые диктовало состояние мирового рынка льна. За время существования монополии на лен в 20-ых годах закупочные цены на лен менялись 15 раз. С весны 1920 года до начала 1921 года цена за один берковец³ льна была 60 латов, а к октябрю 1921 года цена увеличилась больше чем вдвое – 152 лата. В свою очередь, самая высокая закупочная цена была в период с 1 февраля по 23 марта 1925 года – 413 латов за один берковец льна (Zalts 1929, 676). Устанавливая закупочные цены на лен в зависи-

² Lynu pģimšona portraukta. *Latgolas Vārds*. 05. 11. 1925.

³ Это рассматривалось в статье: Vladislavs Malahovskis. “Lini” / “Лен”, *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca I / Лингвотерриториальный словарь Латгалии I*. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 416–418.

мости от цен на мировом рынке, правительство фактически сделало доходы производителей льна зависимыми от изменений этих цен. Специалист по истории латвийского хозяйства Арнольд Айзсилниекс, анализируя деятельность государственных монополий в 20-ых годах, признает: *В целом все же возникает впечатление, что деятельность латвийских государственных предприятий будет сложно назвать рационально организованной и управляемой* (A i z s i l n i e k s 1968, 289).

Нечестные приемы в реализации льна

Нечестные приемы в реализации льна в Латгалии использовали как производители, так и скупщики льна. Так называемая *фальсификация льна* наблюдалась в широких масштабах. Отдельные производители льна использовали различные приемы для увеличения веса льна: мочили лен водой, добавляли в связки льна паклю или куски глины, связки льна плохого качества снаружи обкладывали льном хорошего качества и пр. Нередко скупщики льна такую фальсификацию не могли обнаружить (J. Ķ. 1929).

Часто в пунктах скупки льна лен более высокого качества (2-го и 3-го сорта) принимали как лен более низкого качества (4-го и 5-го сорта), а дальше продавали как лен 2го и 3-го сорта. Таким образом, разница в цене оставалась скупщику, а производители льна оставались в убытке. В латгальской прессе описано много случаев обмана крестьян в пунктах скупки льна. В 1925 году в газете «Слово Латгалии» (латг. „Latgolas Vārds”) описана деятельность одного приемщика льна, еврея, в Вараклянах и Баркаве, который недооценивал качество льна, сотрудничая с местным трактиром. Продавцу льна он заявлял, что у него нет мелочи, и отправлял продавца льна в местный трактир. В свою очередь трактирщик не разменивал деньги, пока крестьянин не закажет алкоголь. В отдельных случаях все деньги за лен оставались в карманах этого еврея и трактирщика (T u m i ņ š 1925). В Лудзе в пункте приема льна вместо весов использовали камни, и обычно вес льна определяли меньше чем он был на самом деле. Нужно признать, что маленькие штрафы за подобные нарушения не способствовали пресечению этих отрицательных явлений. В пункте приема в Лудзе владельцу был выписан денежный штраф в размере всего 30 латов (L a u k s a i m n i k s 1925). Латгальские депутаты 2-го Сейма сообщали, что в Латгалии в пунктах льна широко распространено взыскание (LRSS 2, 540). Общество «Льняное семя» (латг. „Lynsākla”) в Домополе, которому правительство в 1928 году поручило обеспечивать производителей льна семенами, вместо них раздавало крестьянам сельдь, пшеницу, бороны и муку. В свою очередь, в долговых расписках указывалось, что крестьяне получили льняное семя. Подобный случай был констатирован и в Балвском районе (R e d. (b) 1928).

Приемщики льна, чтобы дискредитировать государственную монополию на лен и перенять торговлю льном в свои руки, часто перевозили лен в дождливую погоду, хранили его во влажных погребах и не обращали внимания

на признаки *подделки* льна (J. Č. 1929). Конечно, в Риге проверить все грузы со льном было невозможно, поэтому за рубеж попадало в том числе и некачественное, и поврежденное льняное волокно. Поэтому импортеры льна понизили закупочные цены, чтобы покрыть убытки и вероятные подделки. Видземские, а также часть латгальских крестьян свой выращенный лен продавали контрабандным путем и в Эстонию, где монополии на лен не было, и поэтому закупочные цены были выше (Aizsilnieks 1968, 284).

Позиция латгальских политиков по вопросу льна

Уже в 1920 году в своей речи на конституционном собрании латгальский политик Ф. Трасун критиковал политику правительства за большую прибыль от льна: «Правительство платит крестьянам за берковец льна 3000 рублей и продает за рубеж за 35 000–40 000 рублей. Если крестьянин продал два берковца льна за 6000 рублей, то правительство за лен этого крестьянина получило налог в размере 60 000 рублей. Вы можете мне показать какого-нибудь руководителя производственного предприятия или торговца, который бы заплатил столько же налогов, как этот крестьянин?» (Bukšs 1954, 227). Эта критика была обоснована и не была оспорена ни со стороны министра финансов, ни премьер-министра.

В 1923 году латгальские депутаты выступили с предложением прекратить экспорт всего льна как сырья за рубеж, а часть перерабатывать на месте в условиях кустарной промышленности, например, производить простыни и полотенца. Если бы у надомников были современные инструменты для производства, это можно было бы делать также быстро, как и на фабриках. Однако они не смогли предоставить убедительных аргументов, окупятся ли вложенные государством средства в такое производство и будут ли они израсходованы целенаправленно (LRSS 1, 1267).

Латгальские депутаты предложили внести изменения в государственный бюджет на 1925/1926 год, уменьшив остаток от монополии на лен, составлявший 4,5 миллионов латов, до 1,5 миллиона. Чтобы бюджет не пострадал, было предложено поднять акцизный налог на табак и пиво, а остаток бюджета от монополии на лен выплачивать производителям льна (Red. (a) 1925). Данное предложение, несмотря на протест социал-демократов, было принято.

Вопрос льна, точнее, вопрос цен на лен занимал главное место на заседаниях 1-го Сейма в октябре 1924 года. Представители Латгалии акцентировали несколько проблем:

- слишком низкая цена, за которую государственное АО «Лен» скупало у крестьян лен (LRSS 1, 6, 101);
- крестьяне также оставались в проигрыше, потому что в пунктах скупки льна качество льна нередко оценивалось слишком низко (LRSS 1, 6, 102);

- цена на лен возросла благодаря росту цен на лен на зарубежных рынках; таким образом, правительство не защищало крестьян от частных торговцев, а само их использовало (*LRSS 1, 6, 319*);
- в Латгалии было мало скупщиков льна, которые были бы специалистами в этой области, поэтому латгальские политики настаивали, чтобы в пунктах скупки льна больше привлекалось латгальцев (*LRSS 1, 6, 102*).

Когда установилась государственная монополия на лен, большая часть пунктов приема льна в Латгалии находилась в руках еврейских предпринимателей, меньшая часть – в руках видземских латышей. Латгальцам не принадлежал ни один пункт приема льна. Ф. Трасун, пользуясь тем, что в 1924 году был товарищем министра внутренних дел, поднял в правительстве вопрос о передаче пунктов приема льна латгальцам. Он даже составил список латгальских крестьян, которым можно было бы предложить скупку льна. В этот список входили претенденты из всех округов Латгалии. Ф. Трасуну удалось достичь того, что министерство финансов передало пункты приема льна нескольким латгальским кооперативам и частным лицам – латгальцам. Однако большинство владельцев этих пунктов выбирали наиболее легкий путь – фиктивно продавали пункты скупки льна евреям, ежемесячно получая за это в среднем около 10 000 рублей (около 200 латов — V. M.). Позже сам Ф. Трасун обнаружил, что отданные латгальцам пункты льна в Преилях, Ливанах, Балви, Антонополе фактически находятся в руках евреев Рибуша и Алтермана; в Виляке, Дагде, Краславе, Индре – в руках Загорья, Ливина и Метрикена; в Вараклянах – в руках евреев Якубсена и Алтермана (*T g a s u n s 1924*). Однако юридически эти 10 пунктов приема льна числились за лицами с латгальскими фамилиями.

В целом в первой половине 20-го века вопрос льна был одним из самых актуальных хозяйственных вопросов в латвийском парламенте, который акцентировали депутаты Латгалии, характеризуя его как вселатгальский вопрос на 60 процентов (*LRSS 2, 4, 540, 548*).

Выводы

- Лен был главным рыночным товаром, за который латгальский мелкий крестьянин в 20-ых годах 20-го века мог получить реальный доход. Однако для латгальских крестьян – производителей льна – льноводство не приносило ожидаемых доходов. Главными факторами для этого послужила экономическая политика государства, невыгодная для производителей льна (государственная монополия на лен и непоследовательная политика закупочных цен на лен). Таким образом, в начале 20-ых годов производители льна получали всего лишь около десятой части прибыли, которую получало государство от экспорта льна.

- Производство льна, также как выращивание остальных полевых культур в Латгалии, было неэффективным также из-за системы ведения хозяйства. Еще в середине 20-ых годов около половины латгальских крестьян жили в саджах, где преобладала неэффективная для ведения хозяйства система чересполосных земель. Свою роль сыграло то, что в Латгалии в 20-ых годах большая часть хозяйств еще были экономически слабыми и ориентированными на собственные нужды.
- Рынок льна дискредитировали отдельные незаконные приемы производителей льна и его скупщиков для получения собственной выгоды.
- Латгальские политики в латвийском парламенте активно защищали интересы производителей льна в Латгалии, критиковали правительство за слишком высокую прибыль от экспорта льна. Латгальских крестьян – производителей льна – призывали не только развивать льноводство, но и самим перенять частные пункты приема льна. Однако латгальский мелкий крестьянин в 20-ых годах не смог воспользоваться этой возможностью, поскольку ему не хватало необходимых знаний и предприимчивости.

Источники

B u k š s 1954 – Miķelis Bukšs, *Skices un dokumenti nu Latvijas topšonas laikim*. Minhe-
ne: V. Lōča izdevnīceiba.

J. Č. 1929 – J. Č., “Lynu škiras fašifikācijas apkarošana”, *Latgolas Vārds*, 1.

K. E. 1921 – K. E., “Linu tirgus”, *Ekonomists*, 19, 707–708.

LAR – Latvijas agrārā reforma. Rīga: Zemkopības ministrijas izdevums, 1930.

LRSS 1, 2 – Latvijas Republikas Saeimu stenogrammas (LRSS). 1. Saeima, 2. ses., 1267.
sl.

LRSS 1, 6 – Latvijas Republikas Saeimu stenogrammas (LRSS). 1. Saeima, 6. ses., 101.,
102., 224., 319. sl.

LRSS 2, 1 – Latvijas Republikas Saeimu stenogrammas (LRSS). 2. Saeima, 1. ses., 98. sl.

LRSS 2, 4 – Latvijas Republikas Saeimu stenogrammas (LRSS). 2. Saeima 4. ses. 540.,
548 sl.

L a u k s a i m n i k s 1925 – Lauksaimniks, “Ludzā”, *Latgolas Vārds*, 8.

M a l d u p s, S a l n a i s 1930 – Aleksandrs Maldups, Voldemārs Salnais (sast.), *Latvi-
jas lauksaimniecība (1929)*, Rīga: Valsts statistiskā pārvalde.

R e d. (a) 1925 – Red., “Lynu cenu paceļšonas lītā”, *Latgolas Vārds*, 51.

R e d. (b) 1928 – Red., “Sāklas vītā – siļķes un mylti”, *Jaunō Straume*, 19.

T r a s u n s 1924 – Francis Trasuns, “Lynu punkti”, *Zemņika Bols*, 29.

T u m i ņ š 1925 – J. Tumiņš, “Borkovā”, *Latgolas Vārds*, 3.

V e l k m e 1925 – Jānis Velkme, “Latgolas saimnieciskais stovuklis”, *Latgolas Vārds*, 48.

Литература

A i z s i l n i e k s 1968 – Arnolds Aizsilnieks, *Latvijas saimniecības vēsture (1914–
1945)*, Stokholma: apg. Daugava.

M a l a h o v s k i s 2012 – Vladislavs Malahovskis. “Lini” / “Лен”, *Latgales lingvoteri-*

toriālā vārdnīca I / Лингвоэтерриториальный словарь Латгалии I. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 416–418.

Vītīņš 1930 – Jānis Vītīņš, “Valsts linu monopola darbība 10 gados”, *Latvijas lino-pība 10. gados*, Rīga: Valsts Saimniecības departamenta izdevums.

Zalts 1929 – Alberts Zalts, “Linu monopols un linu cenas”, *Ekonomists*, 17, 675–676.

Vladislavas Malachovskis

Linų problema Latgaloje XX a. trečiajame dešimtmetyje

S a n t r a u k a

Pagrindinės sąvokos: *Latgala, linai, monopolija, Latgalos politikai.*

1920 m. linų auginimo ir apdirbimo problema buvo aktuali tiek Latgalos regione, tiek visoje Latvijoje. Linų pluoštas ir sėmenų sėklos buvo labai svarbios Latvijos eksporto prekės. Latgalos kraštas – pagrindinis linų produkcijos gamintojas šalyje: linų auginimas leido smulkiems šio krašto ūkių savininkams gauti realių pajamų. Linams auginti buvo naudojama daugiau kaip 10 proc. visos dirbamos žemės. Tačiau smulkieji ūkių savininkai negaudavo realių pajamų dėl įsteigtos nacionalinės linų monopolijos, galėjusios pasiūlyti mažiausią kainą. Linų kaina pasaulio rinkoje stipriai svyravo, todėl jie buvo laikomi sandėliuose ir parduodami tik tada, kai kaina išaugdavo. Dėl šios priežasties linų augintojams tekdavo tik apie dešimtadalis pelno, kurį šalis gaudavo už linų eksportą. Tokią vyriausybės politiką, kuria buvo siekiama gauti kuo daugiau pelno iš linų eksporto, kritikavo Latgalos politikai. Jie gynė linų augintojų interesus. Linų rinka Latgaloje ir Latvijoje patytė ir daugiau sukrėtimų dėl neteisėtų linų produkcijos gamintojų ir surinkėjų veiksmų siekiant naudoti sau.

Vladislavs Malahovskis

Flax Issue in Latgale in the 1920s

S u m m a r y

Keywords: *Latgale, flax, monopoly, Latgalian politicians.*

The issue of flax was topical both in Latgale region and in Latvia in the 1920s. Flax fibre and linseeds were very important export goods in Latvia. Latgale region was the main producer of flax in the country, thanks to which Latgalian small holders could get real income. More than 10% of all agricultural land was used to grow flax. However, small holders did not get real income due to the establishment of a national flax monopoly, when flax was sold at the cheapest price. As the price of flax was very changeable on the world

market, it was stored in warehouses and sold when the price grew. As a result, flax growers received only about a tenth of the profits the country got for flax exports. The government policy for getting too much profit from flax exports was criticized by Latgalian politicians. They defended the interests of flax growers. The market of flax in Latgale as well as in Latvia was also discredited by certain illegal practices of flax producers and collectors for self-benefit.

V l a d i s l a v s M A L A H O V S K I S
Research Institute for Regional Studies
Rezekne Academy of Technologies
Atbrīvošanas aleja 115
LV-4600 Rēzekne
Latvia
[vladislavs.malahovskis@rta.lv]

Straipsnis gauts 2019 m. spalio 18 d., priimta 2020 m. vasario 12 d.
Received 18 October 2019, accepted 12 February 2020.